

ВЕСТНИК № 3 (118) 2019 года арбитражного управляющего

Газета Ассоциации «Евросибирская Саморегулируемая Организация Арбитражных Управляющих» (СРО ААУ «Евросиб»)

19 ДЕКАБРЯ - ДЕНЬ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Арбитражный управляющий - это важнейший участник управленческой деятельности. На его плечах лежит создание и применение непростых процедур выхода из кризиса предприятий и иных лиц. Решения арбитражного управляющего имеют важную силу и являются обязательными для широкого круга, что придает значимость данной профессии в обществе.

Сегодня мы можем сказать, что этой профессии несколько веков, а первая идентификация арбитражного управляющего отсылает к дате принятия Устава о банкротствах, который был принят 19 декабря 1800 года. Именно эту дату - 19 декабря, сообщество арбитражных управляющих хотело бы видеть своим профессиональным днем.

КУРАТОРЫ ИЗБИРАЛИСЬ ИЗ СРЕДЫ КРЕДИТОРОВ

Первые упоминания «арбитражного управляющего», были замечены в римском праве Закона Петелия (326 г.). Именно в этом документе начинается способ реализации имущества должника, который заключался в избрании особого субъекта — *curator bonorum* (куратор продажи имущества должника), на котором лежала обязанность распродажи основных частей конкурсной массы и распределение всех вырученных средств между кредиторами.

В России же, первые законодательные акты, регулирующие данные отношения появились после знаменитых реформ Петра I. А первая попытка комплексного регулирования института несостоятельности была предпринята 19 декабря 1800 г. принятием Устава о банкротствах.

Устав предусматривал участие курато-

ров, которые избирались из среды кредиторов. Кураторы как раз и были прототипами арбитражных управляющих, которые описывали имущество и распределяли средства между кредиторами после продажи.

Устав о торговой несостоятельности (1832 г.) ввел присяжных попечителей, которые действовали наряду с кураторами, но назначались судом не из числа кредиторов.

В 1917 году институт присяжных попечителей и кураторов был отменен.

Дальнейшее развитие данных отношений возникло лишь в 1921 году, когда появился свободный товарооборот и частые случаи неплатежа долгов.

Упоминание о несостоятельности были включены в Гражданский кодекс 1922 года в статьи о юридических лицах, об отношениях залога, займа, поручения. То есть упоминание о возможности банкротства было, а самого понятия и механизма признания должников банкротами не существовало. Зачастую возникали противоречивые моменты, когда, не имея соответствующего закона, применялся Устав аж 1832 года...

Значительным шагом в правоприменительной практике дел о банкротстве стало введение в конце 20-х годов в ГПК глав, регулирующих несостоятельность физических и юридических лиц, госу-

ЧИТАЙТЕ
В НОМЕРЕ:

3
стр.

Манипуляция
с подсудностью
запрещена

4
стр.

Вычет неустойки не
является сделкой
с предпочтением

6
стр.

Субсидиарная
ответственность.
Доведение до бан-
кротства?

дарственных предприятий, смешанных акционерных обществ и кооперативных организаций.

ПРИ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ - НЕТ МЕСТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Но уже с 30-х годов правоотношения, в сфере несостоятельности, практически прекратили свое регулирование, а соответственно и закрепление такого субъекта как управляющий перестало иметь значение. Произошло это по той причине, что при плановой экономике нет места несостоятельности. И вначале 60-х годов нормы о банкротстве вообще были исключены из законодательства СССР с формулировкой «за ненадобностью».

Таким образом, в результате отказа от регулирования несостоятельности на

протяжении нескольких десятилетий существовала весьма неблагоприятная ситуация, которая выражалась в том, что функционировала масса нерентабельных и убыточных предприятий, снижалась конкурентоспособность продукции, возникали злоупотребления со стороны руководителей предприятий и т. д. Это несомненно, наносило урон экономике страны в целом и требовало значительных изменений.

Возрождение института несостоятельности (банкротства) стало возможным только с переходом российской экономики к рыночным отношениям. Начало этому было положено принятием Указа Президента РФ «О мерах по поддержанию и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальной процедур» от 14 июня 1992 года № 623. В этом документе произошло первое упоминание о введении административного управления и назначении административного управляющего. Указ закрепил положения, касающиеся назначения административного управляющего и срок, на кото-

рый с ним заключался контракт. Кроме того, вводилось положение, согласно которому данную должность не могло занимать должностное лицо предприятия-банкрота.

Но в сфере несостоятельности так же оставалось много неразрешенных вопросов. Указ имел весьма ограниченное применение, так как содержал множество недостатков. Следующим шагом в развитии института несостоятельности (банкротства) стало Постановление от 17 июля 1992 года № 3354-1 «О подготовке к введению в действие закона РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Именно этот документ впервые официально вводит профессию арбитражного управляющего.

Институт банкротства получил новое закрепление в законодательстве с принятием 19 ноября 1992 года Закона «О

несостоятельности (банкротстве) предприятий» № 3929-1, который был введен в действие с 1 марта 1993 г.

Несмотря на то, что принятый Закон о банкротстве был очень актуален и позволил реально осуществлять банкротство отдельных субъектов, также

имел множество недостатков. Существенным минусом было то, что законодателем не был определен статус управляющего и не решен вопрос его вознаграждения. Эти моменты отрегулировал новый Закон от 10 декабря 1997 г. «О несостоятельности (банкротстве)» № 6-ФЗ и вступил в силу 1 марта 1998 года. Закон определил, что арбитражный управляющий должен иметь статус индивидуального предпринимателя. Также регулировалась деятельность временного, внешнего и конкурсного управляющего.

Следующим шагом в развитии института несостоятельности стало принятие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ от 26 октября 2002 г. во многом меняет существовавшее правовое регулирование конкурсных отношений. Документ установил перечень требований, предъявляемых к арбитражному управляющему, а также регламентировал порядок их назначения. Был обозначен объем полномочий и контроль за их деятельностью. Предусмотрено участие СРО арбитражных

управляющих и введена процедура — финансовое оздоровление должника и участие в ней административного управляющего. Изменения внесли ясность в статус арбитражных управляющих и укрепили институт банкротства на новом уровне.

СТАТУС АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Последние кардинальные изменения, внесенные в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» касательно статуса арбитражных управляющих были внесены в 2008 году. Выделяются две составляющих, которые вызывают споры и дискуссии. Первая из них — это само понятие арбитражного управляющего. Сейчас арбитражный

управляющий — это гражданин РФ, являющийся членом СРО. В отличие от предыдущей формулировки это определение не содержит указания на утверждение лица в качестве арбитражного управляющего арбитражным судом и на его предназначение — ведение процедур банкротства. Но наделение лица, вступившего в СРО, статусом арбитражного управляющего без утверждения его в этом качестве арбитражным судом не оправдано ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Второй же спорный момент заключается в том, что сейчас АУ является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет ее, занимаясь частной практикой. Деятельность арбитражного управляющего не является предпринимательской, что является справедливым. Однако нельзя согласиться с тем, что законом она расценивается как частная практика. Контролируемая судом деятельность арбитражного управляющего не может квалифицироваться как частная практика...

Споры и дискуссии относительно правового статуса и правового положения арбитражных управляющих продолжаются, и поэтому процесс развития института несостоятельности (банкротства) - не окончен.

АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА**Манипуляция с подсудностью запрещена**

Банк обратился в суд с жалобой на решение об открытии в отношении должника процедуры реализации имущества, мотивируя это тем, что должник намеренно и со злоупотреблением сменил место жительства с целью изменения подсудности дела о банкротстве. Определение № 306-ЭС19-3574 от 25 июля 2019 года по делу № А12-34933/2017.

Суды отказали банку в удовлетворении его требований, сослались, что подсудность должна определяться исходя из места регистрации физического лица.

Верховный Суд поддержал позицию банка, отменил судебные акты трех инстанций и отправил дело на рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы.

Мотивом для отмены судебных актов стало то, что должник являлся одним из собственников группы компаний, территориально находящихся и ведущих деятельность в Москве, до вступления в законную силу судебных актов о взыскании с должника задолженности он проживал продолжительное время в Москве.

Достоверные доказательства про-

живания должника в Волгоградской области должником не представлены.

На основании этого Верховный Суд пришел к выводу, что смена места жительства должника совершена со злоупотреблением права, в связи с чем в защите права на рассмотрение дела в Волгоградской области должно быть отказано (ст. 10 ГК РФ).

ВЕРХОВНЫЙ СУД - ДОВОД ОТКЛОНЁН**Одарить родственников перед банкротством - не получится**

Арбитражная практика о трактовке признаков неплатежеспособности применительно к оспариванию сделок, направленных на причинение вреда кредиторам, и о запрете дарения между физическими лицами при наличии финансовых затруднений у дарителя.

Определение № 308-ЭС19-4372 от 22 июля 2019 года по делу А53-15496/2017.

В рамках дела о несостоятельности гр. М его финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными двух заключенных должником с гр. Г договоров дарения от 30.04.2015 в порядке ст. 10, 168 ГК РФ и п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Суд первой инстанции удовлетворил заявление финансового управляющего. Определение первой инстанции было отменено апелляционной и кассационной инстанциями.

Верховный Суд, соглашаясь с позицией финансового управляющего и суда первой инстанции признал сделки недействительными.

Высшая судебная инстанция указала, что для признания сделки недействительной в порядке п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве достаточно констатации факта недостаточности имущества должника и ее безвозмездного характера.

Так как сделки были совершены на безвозмездной основе, а обязательства, принятые в рамках договора поручительства многократно превышали доходы и стоимость имущества должника, то это говорит о недостаточности имущества должника.

При этом, отсутствие просрочки обязательств заемщиков, по которым поручился должник и в которых он являлся руководителем и участником, не говорит об отсутствии у него признаков неплатежеспособности, так как наступлению кризисного финансового состояния сопутствует период снижения прибыли или иных финансовых показателей.

Бремя доказывания возможности погашения задолженности лежит на должнике, который указанную обязанность не исполнил.

Также высшая судебная инстанция

отклонила довод о совершении обычной внутрисемейной сделки, так как в преддверии банкротства стремление должника одарить ближайших родственников не может иметь приоритет над необходимостью удовлетворения интересов кредиторов за счет имущества должника.

В свою очередь Верховный Суд отклонил довод о невозможности признания сделки недействительной, так как она совершена в отношении единственного жилья.

Вопрос о применении исполнительского иммунитета должен разрешаться в отдельном обособленном споре, с учетом признания всех сделок должника недействительными, возврата иных помещений должника в его конкурсную массу.

АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА**Вычет неустойки не является сделкой с предпочтением**

Заказчик может заплатить обанкротившемуся подрядчику меньше, если тот выполнил заказ некачественно или не вовремя, и такое сальдирование обязательств нельзя считать сделкой с предпочтением и признавать ее недействительной, следует из двух опубликованных определений Верховного суда РФ. Юристы видят в этом тенденцию к более сбалансированному учету интересов кредиторов и должников.

«Институт сальдирования до степени смешения схож с институтом зачета», - отмечает юрист Наталья Васильева. Тем не менее, отличия есть. Закон о банкротстве запрещает зачет встречных однородных требований, а его игнорирование ведет к признанию сделки недействительной.

На это правило опирались конкурсные управляющие в несвязанных между собой делах о банкротстве ООО «Родина техник» и «Внешнеэкономического объединения «Технопромэкспорт». Управляющие пытались пополнить конкурсную массу банкротов, обязав контрагентов полностью оплатить выполненные с нарушениями заказы. Те же доплачивать отказывались, ссылаясь на возможность взыскать неустойку по договору. В ином случае им бы пришлось сначала заплатить контрагентам-банкротам, а затем включать в конкурсную массу свои требования по выплате неустойки, не имея гарантий на полный возврат.

По контракту между «Родина Техник» и Ульяновским институтом гражданской авиации имени главного маршала авиации Бугаева последний мог взы-

скать с подрядчика неустойку, если тот не отремонтирует винты самолетов за полтора месяца - до конца декабря 2015 года. И этим правом институт воспользовался, когда подрядчик на 159 дней задержал окончание работ. В результате вместо 4 млн рублей заказчик заплатил лишь 1,9 млн рублей, оставив остальное себе как неустойку.

В сентябре 2016 год институт перечислил последний платеж, а через три недели было открыто дело о несостоятельности «Родина Техник», в августе 2017 года она стала банкротом. После этого ее конкурсный управляющий потребовал от института доплатить 2,1 млн рублей. По его мнению, институт совершил одностороннюю сделку по зачету взаимных требований - об оплате работ и о выплате неустойки. Он просил суд признать сделку недействительной, как совершенную с предпочтением перед другими обязательствами компании. Первая инстанция конкурсного управляющему отказала, но апелляция и суд округа его требования удовлетворили.

Также полностью удовлетворили суды трех инстанций иск кон-

курсного управляющего «Технопромэкспорт». Он требовал взыскать с 15,69 млн рублей с АО «Нижевартовская ГРЭС», для которого в 2011-2014 годы компания проектировала и строила энергоблок за 11,5 млрд рублей. Заказчик не доплатил подрядчику, так как ему самому пришлось устранять недостатки. Сначала эту работу планировал выполнить «Технопромэкспорт», но 18 марта 2016 года сообщил заказчику, что не сможет из-за сложного финансового положения и введения 10 марта процедуры наблюдения. На такой случай в договоре между ними была прописана неустойка. В марте 2017 года «Технопромэкспорт» был признан банкротом.

С решениями судов по обоим делам не согласилась судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ. Она без отправки дел на пересмотр отказала конкурсным управляющим.

«Применение при сальдировании неустойки в качестве упрощенного механизма компенсации потерь кредитора, вызванных ненадлежащим исполнением должником основного обязательства, не является

ся основанием для признания недействительными действий по сальдированию как сделки с предпочтением», - говорится в определении.

А в споре «Технопромэкспорта» с заказчиком коллегия уточнила, что в таких случаях заказчик не получает предпочтение, так как сумму к оплате уменьшает «сам подрядчик своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший факт сальдирования».

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ БАЛАНСУ ИНТЕРЕСОВ

ВС РФ продолжает формировать практику по защите сделок, направленных на сальдирование взаимных обязательств в рамках договора подряда, от необоснованного применения положений о сделках с предпочтением, объясняет юрист Никита Саттаров.

Точкой отсчета этой практики можно считать март 2018 года, говорит он, когда ВС РФ указал, что подрядчик не вправе требовать выплаты полной договорной цены работ, если в гарантийный период выявлены не устранённые за его счет скрытые недостатки переданного объекта.

«Наиболее важным выводом является то, что сальдирование в принципе не является сделкой», - отмечает специалист Юлия Литовцева. Однако, по ее мнению, необходимо понимать, что такой подход вряд ли применим во всех случаях установления сторонами правоотношений сальдо взаимных предоставлений.

«Пока в практике нет четкого определения границ, отделяющих сальдирование от зачета, с

которым чаще всего ошибочно путают техническую операцию установления размера обязательств. ВС РФ применительно к лизингу менял практику с возможности сальдирования только по одному договору на применимость сальдирования к взаимосвязанным договорам. Аналогичный подход применим и к иным взаимосвязанным сделкам, однако пока четкая позиция по данному вопросу не сформирована», - говорит Литовцева.

Васильева обращает внимание на подробную аргументацию ВС РФ отличий сальдирования от зачета. «Отличие кроется, по мнению ВС РФ, в самом механизме подведения сальдо, а также в условиях, при которых установление сальдо возможно. Во-первых, установить сальдо можно только по отдельному договору. Зачет же, позволяет зачитывать обязательства из различных договоров между собой, - говорит она. - Во-вторых, сальдирование в рассматриваемых случаях было следствием нарушения обязательства одной из сторон, которое позволяло иной стороне уменьшить размер своего обязательства перед недоброкачественной стороной, доведя

его до уровня соразмерности встречному предоставлению».

Третье отличие состоит в том, что в обоих делах стороны действовали в рамках договора, который устанавливал конкретные меры в случае просрочки контрагента или недоброкачественности результата его работ, отмечает Васильева.

По мнению адвоката Ильи Дедковского, ряд принятых в последние пару лет решений ВС РФ демонстрируют общую тенденцию: если у должника и кредитора имеются встречные обязательства, то необходимо посчитать дельту и взыскивать именно ее.

Саттаров полагает, что несмотря на недопустимость сальдирования по различным обязательствам, в целом ВС РФ формирует практику, требующую избирательного подхода к применению положений о сальдировании в рамках договора подряда в делах о банкротстве. «Это может свидетельствовать о тенденции уделять более пристальное внимание соблюдению баланса интересов кредиторов и должника, а также не всегда применять правила о запрете зачета к подобным спорам», - говорит он.

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**Доведение до банкротства?**

Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 30.09.19 № 305-ЭС19-10079. Дело о банкротстве ООО «Управление Бизнес Системами».

Суды трех инстанций удовлетворили требование конкурсного управляющего о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника его бывшего руководителя. Он совершил ряд невыгодных сделок, а также отказался передавать управляющему документацию должника.

Верховный Суд РФ отменил вынесенные ранее судебные акты нижестоящих инстанций и направил его на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку не исследованы все обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения спора.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

1. Может ли использоваться презумпция доведения до банкротства, мотивированная отсутствием документов, в том случае, если передача документов становится невозможной ввиду объективных факторов, находящихся вне сферы контроля директора, в частности при изъятии документации правоохранительными органами?

Ответ: нет

2. Вправе ли конкурсный управляющий запрашивать от правоохранительных органов выдачу копий необходимых документов?

Ответ: да

3. Может ли совершение ущербной сделки презюмировать доведение до банкротства, если сумма сделки по масштабам деятельности должника незначительна?

Ответ: нет

4. Подлежат ли исследованию в рамках рассмотрения споров о субсидиарной ответственности причины банкротства?

Ответ: да, удовлетворение подобных исков свидетельствует о том,

что суд в качестве причины банкротства признал недобросовестные действия ответчика, исключив при этом иные (объективные, рыночные и т.п.) варианты ухудшения финансового положения должника.

5. Препятствует ли привлечению к субсидиарной ответственности то обстоятельство, что причиной банкротства стал невозврат кредитов аффилированным лицом, за которое должник поручился?

Ответ: Да, если не доказано, что контролирующее лицо осуществляло действия, например, по выводу активов поручителя, что в свою очередь снизило эффективность обеспечения.

6. Подлежат ли применению презумпции доведения до банкротства к случаям привлечения к субсидиарной ответственности за действия, совершенные до введения главы 3.2 Закона о банкротстве?

Ответ: да

7. Могут ли разъяснения, данные в постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 применяться в случае рассмотрения споров о привлечении к ответственности за доведение до банкротства по ст. 10 Закона о банкротстве в редакции 134-ФЗ?

Ответ: да

8. Могут ли быть признаны недобросовестными действия управ-

ляющего, направившего заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, в условиях осведомленности об изъятии документации правоохранительными органами?

Ответ: да

9. Могут ли быть признаны недобросовестными действия контролирующего лица, сообщившего об изъятии документации правоохранительными органами только в судебном заседании, а не в ответ на запросы управляющего до подачи заявления?

Ответ: да

Недобросовестные действия директора сами по себе не всегда приводят должника к банкротству. Поэтому суды должны были изучить причины несостоятельности, в том числе иные объективные/рыночные факторы.

Обвиняя ответчика в передаче управляющему документации должника, суды не учли, что документы были изъяты следственными органами. Обвинив ответчика в сносе здания, принадлежащего должнику, суды не проверили довод о его ветхости.

Применив презумпцию невыгодности для должника ряда сделок, суды не сопоставили потери от них с размером неудовлетворенных требований кредиторов. Вменяя в вину ответчику выдачу поручительства, суды не проверили аффилированность должника с заемщиком.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА**Кредитор
с «обычным»
требованием**

По каким требованиям к признанному банкротом и не освобожденному от обязательств должнику могут выдаваться исполнительные листы?

Законодательство о банкротстве четко устанавливает, когда признанный банкротом должник не освобождается от обязательств.

Во-первых, при совершении этим лицом неправомерных действий в процессе банкротства (п. 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; далее – закон о банкротстве). Во-вторых, по определенным требованиям (п. 5 указанной статьи). Причем уточняется, что в отношении не удовлетворенных в ходе процедуры банкротства и включенных в реестр требований кредиторов таких обязательств: по текущим платежам, по возмещению причиненного жизни или здоровью вреда, морального вреда, выплата зарплаты и выходного пособия, взысканию алиментов и других, неразрывно связанных с личностью кредитора, требований – после завершения реализации имущества должника – физического лица выдаются исполнительные листы.

Такой же порядок предусмотрен и для ряда иных требований – в частности, о привлечении должника к субсидиарной ответственности, возмещении убытков юридическому лицу, участником или членом коллегиального органа которого он являлся, и др. (п. 6 ст. 213.28 закона о банкротстве). Означает ли это, что по всем остальным не погашенным в процессе банкротства должника требованиям, от исполнения которых он не освобожден, исполнительные листы не выдаются? Правоприменительная практика не дает однозначного ответа на этот вопрос, поэтому очень интересным представляется вынесенное недавно по жалобе кредитора с «обычным» требованием решение Верховного Суда РФ (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 31 октября 2019 г. № 307-ЭС16-12310).

ФАБУЛА ДЕЛА

По завершении реализации имущества признанного банкротом должника К., не освобожденного от дальнейшего исполнения долговых обязательств, несколько его кредиторов обратились в суд с заявлениями о выдаче исполнительных листов по не удовлетворенным в рамках дела о банкротстве требованиям (все они были признаны обоснованными в ходе процедуры банкротства, но не все включены в реестр требований кредиторов). Суд, указав на предусмотренное ст. 213.28 закона о банкротстве регулирование и дополнительное разъяснение ВС РФ о том, что исполнительные листы выдаются только по перечисленным в п. 5-6 данной статьи требованиям, которые были включены в реестр требований кредиторов судом, рассматривающим дело о банкротстве, и не удовлетворены по завершении расчетов с кредиторами (п. 44 Постановления Пленума ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 45), отказал заявителям в выдаче исполнительных листов по их требованиям. Так как последние не соответствуют обозначенным критериям (определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25 октября 2018 г. по делу № А56-71378/2015).

Доводы кредиторов о возможности применения в данном случае аналогии закона, отраженные в апелляционных и кассационных жалобах, не нашли поддержки у вышестоящих судов, согласно позиции которых необходимость применения аналогии при наличии прямого регулирования порядка выдачи исполнительных листов в рамках дел о банкротстве отсутствует. В результате решение суда первой инстанции было оставлено в силе без изменений (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2018 г. № 13АП-30791/2018, постановление Арби-

тражного суда Северо-Западного округа от 8 апреля 2019 г. № Ф07-1807/2019).

**ПОЗИЦИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА ОКАЗА-
ЛАСЬ ДРУГОЙ**

Однако Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, рассмотрев кассационную жалобу одного из кредиторов должника, признала неверными выводы нижестоящих судов о том, что исполнительные листы не выдаются по требованиям, не поименованным в п. 5-6 ст. 213.28 закона о банкротстве. Даже в случае, когда признанный банкротом должник не освобожден от их исполнения, СЭКС отменила их решения и отправила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Выделение определенных видов требований в отдельные перечни не означает наличия между ними и остальными обязательствами должника, от исполнения которых он не освобождается по завершении процедуры банкротства, принципиальной разницы, препятствующей принудительному исполнению последних в рамках исполнительного производства, подчеркнул ВС РФ. А отсутствие прямого указания на возможность выдачи исполнительных листов по «обычным» требованиям кредиторов не подразумевает запрета на их выдачу и может быть восполнено путем применения в соответствующих делах п. 5 ст. 213.28 закона о банкротстве по аналогии. Но стоит иметь в виду, что данный вывод касается только требований, включенных в реестр требований кредиторов. Суд пояснил, что в исполнительном листе, выдаваемом после завершения дела о банкротстве, отражается обязанность должника о передаче взыскателю денежных средств в размере, предусмотренном включенным в реестр требованием, за вычетом погашенной к моменту выдачи исполнительного листа части обязательства.

ВЕРХОВНЫЙ СУД УСМОТРЕЛ**Задолженность создали специально**

В рамках дела о банкротстве должника его кредитор обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора поручительства, заключенного между должником и ООО «Прионежский габбро-диабаз», в порядке п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и ст. 10, 168 ГК РФ. Определение № № 305-ЭС19-4021 от 11 июля 2019 года по делу № А40-241983/2016.

Суды трех инстанций отказали в удовлетворении заявления о признании сделки недействительной. Сложилась судебная практика, согласно которой принятие на себя поручительства за заинтересованное по отношению к поручителю лицо, является обычной хозяйственной деятельностью в предпринимательских отношениях. Также суды указали, что на момент совершения сделки у должника отсутствовали признаки неплатежеспособности. Уменьшения конкурсной массы вследствие заключения договора поручительства не произошло.

Верховный Суд направил дело на новое

рассмотрение, мотивируя это следующим. Несмотря на то, что получение поручительства от компании, входящей в одну группу лиц с заёмщиком, с точки зрения гражданского оборота, является стандартной практикой: суд должен проверить доводы о недобросовестном поведении группы лиц на предмет направленности их действий на создание искусственной кредиторской задолженности.

Суды не обратили внимание на происхождение денежных средств, перечисленных заёмщику (должнику в рамках дела о банкротстве). А именно: полученные деньги посредством транзитных операций

между аффилированными с должником компаниями были перечислены поручителю, который расплатился ими с банком, который выдал займ, а потом предъявил к должнику требования.

Таким образом, ВС отметил, что имело место транзитное движение денежных средств, которое позволило в отсутствие реальных хозяйственных отношений искусственно создать и нарастить внутригрупповую задолженность. Оспариваемый договор поручительства заключён с целью прикрытия притворного договора займа при условии заинтересованности всех сторон данных договоров.

АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА**Как не нарушить принципы пропорциональности и очередности...**

Банк обратился с жалобой на действия конкурсного управляющего в связи с тем, что у отдельного кредитора имеются преимущества перед иными кредиторами должника при погашении требований.

Заявитель жалобы является конкурсным кредитором, требования которого в размере 671 млн рублей полностью обеспечены залогом имущества должника. Определение № 310-ЭС18-17700 (2) от 11 июля 2019 года по делу № А62-6145/2015.

До момента реализации залогового и не залогового имущества, оценочная стоимость которого составляет 391 млн и 591 млн рублей соответственно. Конкурсный управляющий распределил денежные средства в размере 40,25 млн рублей (поступления от аренды, требования по реституции и иные) в пользу ООО «Мурметалл», кредитора, требования которого не обеспечены залогом.

По мнению залогового кредитора, КУ нарушил принцип пропорционального погашения требований, удовлетворяя требования отдельного кредитора.

Суды отказали залоговому кредитору,

ссылаясь на то, что Закон о банкротстве не предусматривает возможность начала проведения расчетов с кредиторами третьей очереди после завершения расчетов с залоговыми кредиторами. Отмечено, что у должника имеется как заложенное в пользу банка, так и иное необремененное не реализованное имущество. Банк не лишен возможности получить удовлетворение своих требований от средств, вырученных от реализации предмета залога. По мнению судов, доводы о нарушении прав носят предположительный характер.

ВС отменил судебные акты трех инстанций и признал незаконными действия

управляющего в связи с тем, что суды и КУ никак не опровергли доводы залогового кредитора о недостаточности залогового и иного имущества должника для удовлетворения его требований в полном объеме.

Кроме того, до момента продажи предмета залога средства, поступившие в конкурсную массу не в связи с реализацией заложенного имущества, подлежат резервированию применительно к правилам п. 6 ст. 142 Закона о банкротстве.

На основании этого ВС пришел к выводу, что КУ нарушил принципы пропорциональности и очередности удовлетворения требований кредиторов.

Издается СРО ААУ «Евросиб»
115114, г. Москва, Шлюзовая набережная, 8
тел.: (499) 110-27-77
e-mail: eurosibsro@gmail.com
www.eurosib-sro.ru
Выпускающий редактор: Татьяна Ахиярова

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Распространяется бесплатно.
Выходит один раз в месяц.
Тираж 999 экземпляров.

Отпечатано в РПК «Залог Успеха»
450097, г. Уфа, ул. Бессонова, 29/1
Заказ № 22568
Подписано в печать 21.11.2019